

Сперва я сыграла ослика Иа-Иа

Многие роли Лии Ахеджаковой словно сшиты по ее мерке — маленькие, колкие, броские, эффектные. Вспомним эпизод из фильма Алексея Германа «Двадцать дней без войны», где она сыграла растерянную, хрупкую и странную женщину, которая держится за жизнь лишь благодаря своей надежде, что ее муж не погиб, что, может, известие о его смерти — ошибка, и он обязательно вернется с фронта...

Замечательные, разноликие кинороли подарил Лии Ахеджаковой в своих фильмах Эльдар Рязанов: восторженную «училку» — подругу главной героини в фильме «Ирония судьбы», отважную правдоискательницу и идеалистку в фильме «Гараж», раскрепощенную модницу, уверенную в своей женской неотразимости секретаршу Верочку в «Служебном романе». Среди ее театральных ролей последнего времени, пожалуй, наиболее значительные сыграны в спектаклях, поставленных на сцене театра «Современник» режиссером Романом Виктюком — «Квартира Коломбины» по пьесе Л. Петрушевской, «Стена» А. Галина, «Мелкий бес» Ф. Сологуба. Роль жены бывшего партийца, попавшей в сталинский лагерь (спектакль Галины Волчек «Крутой маршрут»), — неординарна, сыграна актрисой нервно, жестко, беспощадно, но и с глубоким внутренним сочувствием к своей героине.

В новом фильме Эльдара Рязанова «Небеса обетованные» у Лии Ахеджаковой одна из центральных ролей — роль бывшей художницы Фимы, которая не растерялась в наше смутное время, «перешла к рынку» собственным путем, обретя новую профессию нищенки.

— Лия, ваша Фима — настоящая творческая личность, вы встречали таких нищенок в жизни?

— Конечно, встречала, но такую Фиму я могу сыграть еще в ста сериях. В ней есть что-то близкое моей природе. Бывают роли, которые трудно даются, но игра стоит свеч, а здесь я была, как рыба в воде. Мне не надо было ни примеров из жизни, ни аналогов. Мне не нужен был первоисточник — подсматривать за кем-то, изучать привычки. В ней главное не то, что она нищенка, а ее природная свободолюбивость человека. Она аристократка духа, которая может обходиться без всего, без всех этих материальных благ.

— Лия, театральная Москва по-настоящему вас полю-

била и приняла после тюзовского спектакля «Мой брат играет на кларнете»...

— Какая Москва? Дети, которые теперь стали взрослыми...

— Нет, вас ходили смотреть и взрослые, и дети. А что было до этого?

— Были куда более симпатичные роли, например, ослик Иа-Иа в спектакле «Винни Пух и его друзья». Это важная веха в моей творческой биографии...

— В «Современник» вас пригласили?

— Меня никто не приглашал. Более того, мне директор говорил, что таких актрис, как я, у него еще шесть, и это многовато. Я им навязалась и попала в театр благодаря Валерии Фокину. И первую роль сыграла в его спектакле «Записки Лопатина». Заболела Любовь Ивановна Добржанская и из больницы, перед смертью, благословила меня на свою роль в этом спектакле. И на роль старушки Айседоры в спектакле «Эшелон». Потом заболела Антонина Павловна Богданова и тоже перед смертью прислала благословение, и я ввелась в спектакль «Вечно живые», сыграв еще одну бабушку. Когда я помирать буду, благословлю какую-нибудь травести на свои роли в «Квартире Коломбины»...

— Каким образом вас пригласили в свои фильмы Рязанов и Герман?

— Я думаю, «пропуском» к ним стал фильм «Ищу человека» — мой первый фильм.

— Лия, у вас в театральных работах — и в «Квартире Коломбины», и в «Стене» — прекрасный актерский дуэт с Авангардом Леонтьевым. Много зависит от партнера?

— Для меня — очень много. Я могу провалить всю сцену оттого, что вижу по глазам, что партнер в это время думает о колбасе. Тогда мне лучше самой играть перед камерой... Меня однажды из-за партнера сняли с роли. Я должна была его безумно любить, я все, что от меня зависело, делала, старалась, но он был так равнодушен, так холоден, так сосредоточен на себе, что играть было невозможно. Когда я пошла с ним попрощаться и сказала, что меня сняли с роли, он ответил: «Может, так лучше». Это было оскорбительно. Впрочем, фильм-то был заваливший...

— А что вас еще оскорбляет в нашей жизни?

— Ну, например, когда мужчина защищает себя, как Родину. Когда он может словом и делом ударить женщину только за то, что она, по его мнению, недостаточно высоко его оценила. И это в мужчинах я наблюдаю почти поголовно — совершенно неадекватное отношение к своей персоне. Возможно, потому, что в душе они не мужчины, а лидеры?

— А что вы уважаете в людях?

— В людях я уважаю культуру, доброжелательность, простоту, кротость, если таковая вообще возможна. Не люблю людей агрессивных. Порой вообще не знаешь, почему тянет к человеку. Он может обладать всеми качествами, которые ты уважаешь, и быть идеальным, а от него мужи дохнут, лампы гаснут... Вообще я человек контактный, и мне нравятся люди, нравятся их наблюдать, слушать. Но я не из тех, кто «клетает с руки».

— Наблюдать людей — это актерская черта?

— Мы, актеры, как обезьяны, это от нас не зависит. Мы все видим, все слышим, запоминаем. Ненужное не запоминаем...

— А насколько в вашей профессии важно владеть какой-либо актерской системой, ну, например, системой Станиславского?

— Конечно, меня в ГИТИСе обучали системе Станиславского, но я не могу отсеять, что во мне идет от системы, что от своей природы, что от навыков. Я верю в другую систему. Когда-то прочла, на вопрос, верит ли она в какую-нибудь систему, Анна Маньяни ответила: «Только в одну — заботу судьбой человека, которого играешь, как своей собственной. До сердечных спазмов, до слез поверить в эту судьбу...»

— Лия, вероятно, у вас много предложений сниматься?

— Предложений очень мало. Но предстоит работа, которая меня «греет».

— Когда что не удается или нет ролей, в чем вы черпаете оптимизм?

— Его нет. Я думаю так, что надо жить или не жить. А если жить, то не отравлять жизнь окружающим своей постной физиономией и еще заботиться о тех, кто слабее.

— Лия, что вас сегодня больше всего тревожит?

— Тревожит столь многое... В том аду, который происходит вокруг нас, наверное, можно разобраться, но я не могу... Например, мне кажется замечательно, что отделяются республики, что рушится империя, все ищут самостоятельности, независимости. Но в принципе мир должен объединяться против рака, против СПИДа, против убийств, против насилия... Я готова говорить на том языке, который мне предложат, только чтобы не умирили мальчишки, не умирили бессмысленно в идиотском соревновании за то, чья нация дремлее и какой народ здесь жил до пришествия Христа...

П. КУЗЬМЕНКО.